

- повсюдження: дипл. робота — Каф. муз. фольклористики НМАУ ім. П. Чайковського. — К., 2005.
10. *Клименко І.* Ритмоструктурна систематика весільних мелодій українсько-білоруського мелоареалу // Проблеми етномузикології. — К., 2004. — В. 2. — С. 135–165.
 11. *Коропниченко Г.* Перехідна зона як об'єкт мелогеографії // Проблеми етномузикології. — К., 1998. — В. 1. — С. 137–166.
 12. *Котельникова О.* Шестидольна ритмоформула у весільних піснях українського Посейм'я: дипл. робота. — Каф. муз. фольклористики НМАУ ім. П. Чайковського. — К., 2006.
 13. Обрядові пісні Слобожанщини (Сумський регіон) / Фольклорні записи та упорядкування *В. Дубравіна*. — Суми, 2005.
 14. Пісні Сумщини / Фольклорні записи *В. Дубравіна*. — К., 1989.
 15. Пісні однієї родини / Фольклорні записи *В. Дубравіна*. — К., 1988.
 16. Просили батько і мати, і ми просимо (опис народного весільного обряду Крелевеччини) / упор. *Єфіменко Н., Гончаренко О.* — Суми, 2001
 17. *П'ятаченко С.* До народних джерел Сумщини (навч. посібник). — Суми, 2004.
 18. *Савельєва Н.* Региональная стилистика русской народной музыки. Русско-белорусско-украинское пограничье. — М., 2005.
 19. Свята та обряди Роменського району / упор. *Коршак Т., Овчаренко Г.* — Суми, 2000.
 20. *Чижикова Л.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. — М., 1988.

Джерела музичних прикладів.

1. Архів Сумського ОЦНТ: записи *Т. Коршак* — № 9, 10; *О. Гончаренко, Н. Єфіменко* — № 1, 2, 5, 6, 8, 11.
 2. Фоноархів автора: польові записи *О. Гончаренко* — № 3, 4, 7.
- Всі нотації виконано автором статті.

In the traditional song culture in the north-east of Ukraine (modern Sumska region) many contrast local styles were formed. The author of the article created maps of calendar and ritual genres and wedding rhythmical types, she described musical dialects, explicated areas of their localization, defined lines of dissociation or diffusive zones of styles crossing.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ МИФЕ

Ольга ВИНОГРАДОВА

1. Социокультурные задачи крымских татар в Крыму

Нет единого мнения в понимании учеными топонима *Крым*. В. Смирнов в своей книге «Крымское ханство под властью Оттоманской порты» называет варианты этимологии этого названия, предлагаемые разными учеными. Здесь фигурируют и арабское *керем* — благодать; и караимское *хырым* — подарок; и крымскотатарские *хырым* — поражение, и *хырымлар* — возвышенность. И, наконец, вариант, который ему кажется подходящим: чагатайское и крымскотатарское *кырым* — ров. Имелся в виду ров, окружающий Солхат. Смирнов еще застал его следы.

Но споры о топониме продолжаются и поныне, что симптоматично. Так все-таки ров

или возвышенность? Благодать или поражение? От себя мы добавим: восток или запад? Поиски корней названия полуострова (которые и сейчас продолжаются) вполне созвучны поискам идентичности, которыми занят сейчас крымскотатарский этнос.

Понятие культурного возрождения у этнологов и антропологов сейчас не в моде. Эта романтическая метафора не точна. Но как же назвать духовную деятельность, направленную на интеллектуальную консолидацию этноса, на реконструкцию его культурных традиций? Пусть пока будет возрождение.

После пятидесятилетнего отсутствия, после ссылки, сначала потерявшие автономию, в которой играли ведущую роль, понесшие огромные «живые потери», затем в значительной степени утерявшие родной язык, татары

возвратились в Крым на правах диаспоры. Их не селят компактно, а рассредоточивают среди местного населения. Власть межджисов, как известно, пока не легитимна.

Но (если вспомнить закон развития диаспор) в непростых политических условиях диаспоры лучше сохраняют свои этнические свойства, в условиях же абсолютного благоприятствования их быстро ассимилируют. Так что при любой реализации сценария влияние политических процессов на культуру крымских татар будет неоднозначным.

Кроме политической проблемы, крымские татары видят и еще одну: проблему очищения «своего», собственно крымскотатарского культурного элемента (музыкального фольклора, художественной традиции, словесного фольклора, самого языка) от «налипших» на него приобретений из узбекской, русской, казахской культуры. «Мы часто не знаем, является ли сказка или пословица нашей, или она узбекская» — говорила автору этих строк искусствовед Эльмира Черкезова. Но и раньше крымские татары органично переплетали в своем искусстве и культуре древние тюркские, арабо-персидские, турецкие, греческие, славянские и другие элементы, и они не входили в конфликт друг с другом. Турки-османы и крымские татары использовали общую мифологию в своих сказках, и это отразилось в большом сходстве сюжетов. Но у крымских татар много и сюжетов, общих с европейцами. В частности, это сюжет о лисе Тильки.

Среди медной и латунной посуды, выставленной в Бахчисарайском дворце-музее, можно увидеть и персидские, и кавказские, и китайские образцы. Это не значит, что у крымских татар нет ничего своего. Наоборот, это говорит об их большом культурном багаже, о стойкой традиции, сохранившей память о сложном и долгом этногенезе и генезисе художественной культуры.

Проблема, конечно, не в очищении культуры и языка. Пуризм в любой форме вообще редко реализуем, если он не становится государственной политикой (как стало политикой очищения

турецкого языка при Ататюрке от арабизмов). В данном же случае, нужно не очищать, а развивать язык, поддерживать его использование во всех формах, потому что, будучи живым и развивающимся, он сам очистится и отторгнет чужеродные элементы. Кроме того, использование (через узбекский) общих тюркских корней также очень полезно крымскотатарскому языку, целесообразность же реформ орфографии могут оценить только лингвисты.

Редко встречается отрицательный взгляд на приобретенный в скитаниях духовный багаж крымских татар. Художник Изет Аблаев оценивает этот опыт положительно: художники освоили узбекскую технологию изготовления керамики, основанную на древнейшей традиции, постигли тайны старинных тюркских орнаментов и изготовления красок. Они привезли этот опыт в Крым, где очень много глины. Широко используют свой восточный опыт и татарские кулинары, хозяева кафе и ресторанов, в которых свободно готовят и узбекские, и татарские блюда. Похоже, плодотворность этого направления несомненна: не очищать, а развивать.

И еще одно замечание прежде, чем перейти к конкретным мифам. По результатам моего анкетирования, проведенного автором, можно сделать вывод, что крымские татары четко делят сферы применения своего, этнического (применение языка, исполнение ритуалов, отмечание праздников и др.) и внешнего (официального, государственного, крымского, городского, украинского или русского и др.). Применение крымскотатарского элемента — это домашняя сфера, семья, быт, искусство, религия. Восток для них — прошлое. Запад — это будущее, это государство, работа, социум.

Тенденция к реконструкции традиционной культуры выражена в возобновлении и развитии культурных ритуалов, праздников, религиозных обрядов. Это и празднование календарных праздников (Навруз, Тепреш, Девривиза), и возвращение религиозных элементов в обряды жизненного цикла. В сфере внутренней коммуникации (дома или в крымскотатарском офисе, в редакции) соблю-

дается обязательный «восточный» этикет по отношению к гостям. Это всегда кофе, который варится в джезве, усаживание гостя на лучшее место в комнате, это длинное ритуализированное прощание с проводами до определенного места, с развернутыми пожеланиями всем членам семьи. Это подушки и ковры в доме, сидение на полу и низкие столики (не строго). Это проживание взрослых сыновей вместе с родителями, воспринимаемое как норма (то есть, не только по экономическим причинам).

При этом степень погруженности в «свое» опрошенными принимается различная. На вопрос об исламе одни говорят о дальнейшем развитии мусульманства в Крыму, другие отводят ему только формальную, культурную роль. Иногда речь может идти об экспансии «своего» в социум — например, о переводе административных документов на крымскотатарский язык наряду с украинским.

В современном искусстве крымских татар сильны обе тенденции: и обращение к этнической истории, и использование современных европейских канонов. Скорее заметно использование этнических мотивов, чем архаизация художественного языка. В живописи типично изображение традиционных крымскотатарских предметов в интерьере и натюрморте (кумганы, музыкальные инструменты, килимы — Нури Якубов), воплощение исторических сюжетов (это может быть стилизация под восточную миниатюру), использование культурных символов (Асан Бараш, Рамазан Усеинов).

Но моментом, облегчающим социальную адаптацию крымских татар в Крыму, является признание ими западных ценностей приоритетными (в общественной жизни). Депортация на восток сделала из них людей, по преимуществу западных и русскоговорящих. Общеизвестно, что они урбанизированы в очень высокой степени, чему, однако, сопутствует наличие у них устойчивых семейных связей.

В то же время, как уже было сказано, будущее, в частности будущее детей, устойчиво связывается с западом, в анкетах в качестве иностранного языка, который должны знать дети, указывается английский или немецкий, и

значительно реже — и после европейского — турецкий, арабский. Среди великих людей называют Шекспира, Льва Толстого и Исмаила Гаспринского.

Все это говорит о сближении крымских татар и с русской, и с европейской культурой. Украинский язык они также намерены выучить, о чем заявили все опрошенные. А это создает предпосылки к успешной адаптации в Крыму.

Не будем говорить о силах, препятствующих этому в политических, экономических, а также в других, антигуманистических, целях. Мы не ставим перед собой задачу изучить этот аспект проблемы, поэтому ограничусь общими замечаниями.

Есть издания, разжигающие этнофобию. Бекир Мамутов («Къырым») особенно отмечает такие независимые издания, как «Крымская правда» и «Крымское время». Но недоверие часто проявляется и со стороны крымских татар. Вы почувствуете его, как только придете на какое-нибудь публичное собрание. «Мы постоянно взвинчены, находимся в состоянии обороны, мы культивируем свои комплексы», — говорит Б. Мамутов. Это создает замкнутый круг проблем, из которого вывести обе стороны может, во-первых, развитие культурных контактов, во-вторых, соблюдение гарантий гражданского общества. Пока эта адаптация не произошла, весь комплекс проблем своеобразно отражается в том, что мы называем современными мифами крымских татар.

2. Роль современного мифа в культуре.

Нас интересует скорее **образно-символическая сторона мифа** и функционирование этих символов в «живом контексте человеческого общества» (по Гирцу), то есть, в культуре Крыма. Не разделяем здесь мифы на спонтанные и идеологические (как тот же Гирц разделяет ритуалы на *model of* — спонтанное творчество, и *model for* — идеологические функции культуры), поскольку культура крымских татар еще отнюдь не утратила черты культуры андеграунда.

Автор данной статьи основывается на своих полевых исследованиях в 2002—2003 годах

в Симферопольском и Бахчисарайском районах, когда анкетировалась творческая интеллигенция, проводились личные беседы и наблюдения различных бытовых и официальных ситуаций в крымскотатарской среде, а также использовалась современная доступная крымская публицистика и периодика.

Данные мифы вычленены не из текстов, а из социального дискурса, и имеют открытый, вариативный характер в том смысле, что не являются книжными или газетными историями. Они являются и инструментом этнической мобилизации, и средством культурной и социальной коммуникации этноса. Компенсаторная, адаптационная роль мифа, создающего в сознании людей связь между прежней и новой моделью мира, тоже не подлежит сомнению. Миф восстанавливает прерванную традицию, создавая иную, исправленную действительность.

Привычка к устному общению, отсутствие возможностей распространения печатного слова в течение нескольких десятилетий повлияли на характер современных крымскотатарских мифологем. А именно: этот миф обладает некоторыми признаками архаичного этиологического мифа, представляя «островной мир» (Крым и его историю) образно-символически, а не исторически, с точки зрения, так сказать, этнической логики, а не исторической неизбежности.

Существует целый массив мифов — можно назвать их **новыми мифами о творении**, эсхатологическими и т. п., — которые презентуют современную культуру крымских татар как народа молодого, родившегося заново. Опираются они могут как на исторический или псевдоисторический факт (миф об утопленных деревнях), так и на собственное понимание этнической общности, идентичности.

Центральное место занимают **мифы о гибели и чудесном возрождении** (самого крымскотатарского народа, его героев, его обычаев, умений, языка, ремесел).

Миф о гибели народа, порожденный реальными событиями сталинской депортации 1944 года, рисует, однако, картину более полного (если можно так выразиться) уни-

чтожения, чем произошло в реальности. **Миф об утопленных деревнях или об утопленных баржах** существует в различных версиях. В версии художника Мамута Чурлу подчеркивается, что, «выслав всех крымских татар в мае 1944 года, власти «забыли несколько отдаленных деревень. Пришлось согнать людей на баржу и баржу затопить вместе с ними».

Интервьюируемые называли разные точки черноморского побережья и разные деревни Крыма, где произошла трагедия. Картина затопления судна более или менее подробно. Есть и такая версия: «солдаты сломали волнорезы, и море затопило деревню». Этот символ — жизнь, которая скрылась под водой (подобно русскому граду Китежу) — очень ярко выражает те смыслы, то послание, которое крымские татары хотят передать окружающим. Главный редактор газеты «Къырым» Бекир Мамутов, не обнаруживший никаких исторических документов или свидетельств о факте затопления людей, остававшихся после выселения, говорит, что единственным, хотя и косвенным, подтверждением этого события является отсутствие среди крымских татар людей с Арабатской стрелки. Их никто не видел в местах поселений, в депортации, и их потомков нет сейчас в Крыму.

Миф о гибели имеет и такую форму, как **миф о прекращении жизни в Крыму** вместе с уходом его души — крымскотатарского народа. В частности, говорят о том, что **вместе с татарами пропала вода**. Это также не лишено исторического основания. Наследники нескольких восточных народов, преемники древних обычаев и умений народов Крыма и Причерноморья, в том числе византийских греков, крымские татары уделяли большое внимание источникам, ухаживали за ними, давали им имена. В некоторых местностях (Демерджи-Фуна, Аю-Даг и др.) до сих пор сохранились остатки керамических водопроводов, которые поддерживали татары. Колодцы имели сложную систему очистки, специальные шерстяные фильтры (со слов Мамута Чурлу

и из различных исторических источников — Э. Челеби и др.)

К этим мифам примыкает и **миф о золотой колыбели**, известный в Крыму издавна (его упоминают и Кондараки, и другие собиратели фольклора). Миф этот для татар периода депортации и сейчас обретает новую жизнь. С изгнанием татар из Крыма не только ребенок (народ) остался без колыбели (дома), но и родина (колыбель) осталась без души, без ребенка. «Родина — твоя золотая колыбель» — гласит крымскотатарская пословица. Символ золотой колыбели часто встречается в крымском фольклоре XX века и в разных видах искусства. Изет Аблаев, известный художник-ювелир, сделал филигранную колыбельку, которая всегда стоит в центре любой его выставки.

Земля Крыма способна помогать татарам так же, как и они ей. Об умерших родителях говорят, что они знали что-то особенное о пещерах, тропинках, источниках, деревьях, травах, земледелии, ремеслах и т. д. **Миф о сакральном знании** имеет множество форм реализации: «дед хотел показать целебный родник, но умер»; «разве этому можно научить».

Возвращение репатриантов в Крым ярко представлено также в современной живописи. В том же рассматриваемом нами мифологическом ряду оказываются и мифологические персонажи-защитники: Медведь — гора Аю-Даг, Кузнец — гора Демерджи. Медведь в творчестве Рамазана Усеинова — это и сам Крым, и Космос, и сам народ, который вернулся домой.

Мифологическое расселение, реконструкция традиционного поселения.

Современный миф, реализуясь в общении крымских татар с соплеменниками-репатриантами, кроме всего прочего, выполняет функцию связи поколений, обслуживает чувство преемственности вновь прибывших по отношению к тому народу, который жил в Крыму до выселения, к коренным крымчанам. Как ни странно,

знакомясь сейчас в Крыму, крымские татары никогда не спрашивают друг друга, где жили после переселения, а спрашивают, из какого места в Крыму были родители. И те группы внутри даже не крымских татар, а внутри ногайцев (степных) или южнобережных татар, которые существовали реально, — теперь они стараются **возродить мифологически, расселить виртуально**, подчеркивая, что они из «степных» или «южнобережных». Можно сказать, что ситуации, выпавшие из исторического процесса в силу обстоятельств, **проигрываются в мифе**.

Что касается **мифа о чудесном возрождении культуры**, то идея везде одна и та же: чудом спасенная традиция. Пример: возрождение ткачества. («Одна бабушка помнила, как ткуются килимы. Она попросила своего брата сделать станок, и теперь по всему Крыму опять ткуют традиционные ковры»). Существуют конкретные люди, вставшие у истоков возрожденных прикладных искусств. Тем не менее, **миф об одной бабушке, о последнем мастере** продолжает бытовать постольку, поскольку он обслуживает идею бессмертия народной традиции, идею преемственности.

Устное предание о периоде депортации — это отдельная тема. В разговоре об этом частное устойчиво преобладает над общим. Мифы о жизни татар в Средней Азии и других местах ссылки, по-видимому, появятся тогда, когда это время станет «мифологическим временем» для тех, кто нашел свою социальную нишу в Крыму.

1. Степанов В. «Крым и крымские татары: историческая демография и современная этнополитическая ситуация» // Тюркские народы Крыма. — М., 2003. — С. 330–356.
2. Червоная С. «Крымскотатарское национальное движение 1991–1993» // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., 1994. — № 57.
3. Алиев Ф. «Крымская народная музыка» // Антология крымской народной музыки. — Симферополь, 2001.

The author of the article covers the problems of ethnic identity and the ways they are reflected in modern Crimean and Tatar myth.